

Театр Южного Урала

ЧЕЛЯБИНСКИЙ государственный драматический театр имени С. Цвиллинга — в числе лучших. Конечно, успеха сегодняшнего Челябинского театра родились не на пустом месте. На его сцене в течение многих лет выступали такие мастера, как В. Южанов, В. Виннов, П. Горянов. Режиссерами здесь работали С. Головин, командированный специально для организации театра Московским Малым театром, Е. Бриль, Н. Медведев, Э. Краснянский. Ко всему сказанному следует добавить, что директором здесь работает М. Половец — человек с широким кругозором, совершенно изучивший все тонкости и специфику дела и прослуживший на этом посту более двадцати лет.

Но мы знаем, что каковы бы ни были заслуги отдельных работников театра, о том, как сегодня он живет, мы можем судить только по идейно-художественному уровню спектаклей, по силе их эстетического влияния на зрителей. Главенствующее значение в этом имеет, конечно, репертуар, понимаемый не просто как набор различных пьес, а как программа жизни театра.

Проблема эта решается с полной мерой ответственности. Вот названия, не только украшающие афишу театра, но и отвечающие на вопрос, что сегодня идет в театре. Итак, в Челябинске идут «Битва в пути», «Дали неоглядные», «Третья патетическая», «Иркутская история», «Клоп», «Чайка», «Бесприданница». По большому счету решает Челябинский театр проблему современности, тесной связи своего искусства с жизнью. Помимо репертуара, решающим подтверждением этого является высокое качество спектаклей.

НАИБОЛЕЕ волнующей работой челябинцев является спектакль «Третья патетическая» и в нем, естественно, образ Ленина, ко-

торый создает постановщик спектакля А. Добротин. Играет он на огромном эмоциональном подъеме, с филигранной отточенностью каждого слова, движения, жеста. Исполнитель убеждает нас и в основном, и в частности. Образ, созданный им, отмечен мудростью и прозорливостью вождя и вместе с тем он удивительно прост, понятен, доступен каждому. В нем покоряет неистребимый оптимизм, неясжаемая жажда жизни.

Можно многое говорить о сценах на заводе, в Кремле, в Горках. Там замечательный погоднический текст помогает выявлять ленинский характер, его чувства. Но есть в спектакле забываемая сцена, где никакого текста нет. Вот стоит Ленин на фоне необозримых далей родного пейзажа, по небу быстро бегут набухшие дождем облака... Ленин стоит, молчит и о чем-то думает... А зрительный зал разражается овацией. За что эти аплодисменты? За то, что нам дана была радость почувствовать напряженную ленинскую мысль, за то, что слова Маяковского о Ленине: «Землю всю охватывая разом, видел то, что временем закрыто», получили здесь неопровержимое образное и точно конкретное выражение.

А разве можно забыть безмолвную сцену величайшего горя... Когда «ужас из железа выжал стон». Вот она — ленинская гвардия. Мы не видим даже их лиц. Они стоят спиной к нам, тесно прижавшись друг к другу, объединив в крепком перехвате свои могучие рабочие руки... Трудно сказать, сколько длится эта сцена — пять секунд или пять минут. Но как живые стоят они и сейчас перед глазами. И снова вспоминаются слова Маяковского: «Стала величайшим коммунистом-организатором даже сама Ильичева смерть». Именно эти слова вспоминаются!

Большая, осознанная ответственность перед зрителями этого спектакля не могла не вдохновить актеров на поиски наиболее точных и убедительных приемов углубленного раскрытия характеров. В этом плане следует прежде всего назвать одну из лучших актрис театра А. Лескову в роли Марии Ильиничны Ульяновой. Но и В. Возжеников (Дятлов), и О. Климова (Ирина), и В. Петров (Гвоздили), и Е. Байковский (Кумякин), и П. Босенко (Настя) играют в этом спектакле с подлинным увлечением, с истинной правдой чувств.

ТЕМА рабочего класса — активного строителя коммунизма, особенно близкая трудящимся Челябинска, стала доминирующей в спектакле «Иркутская история». Как бы «крупным планом» поданы режиссером (А. Добротин) сцены, в которых действует экипаж шагающего экскаватора: Сердюк, убедительно и ярко сыгранный М. Карташовым, согретый глубоким чувством и лирической взволнованностью Сергей (В. Волгин), мятущийся Виктор (В. Черяниннов), эталонный сочный, крепкий Лапченко (В. Возжеников). Действенная реализация их отношений друг к другу и к труду, как самому важному в жизни, определила успех всего спектакля.

Хочется выделить одну очень важную участницу спектакля. Речь идет об актрисе З. Извольской, создавшей образ Вали... Это только кажется, что ум и сердце у нее озорные. На самом деле она часто-часто задумывается. И зритель с каждой минутой все больше понимает, что то, что произошло с ней, — какая-то

нелепая случайность, результат какой-то беды, которая приключилась в ее жизни. Она в спектакле дважды повторяет фразу: «А на Волге, говорят, какая-то дивчина всей сменою на шагающем командует... Думаешь — возможно?». И в слова эти Извольская вкладывает такую силу выкладки, так хочется ей стать этой дивчиной, что какие бы слова ни говорила ее Валя и что бы ни говорили о ней другие, для нас ясна чистота ее души. Именно чистота.

НЕ ТОЛЬКО пьесы советских драматургов ставятся в Челябинске по своему, непохоже на постановки тех же пьес в других театрах. Челябинцы творчески переосмысливают и трактовку произведений, имеющих уже долготелние сценические традиции. Но поиски оригинальности ведутся здесь не в угоду самой оригинальности, а во имя наиболее острого, созвучного нашему времени прочтения того или иного произведения.

Новизну и актуальность чеховской «Чайки» театр увидел не в воспроизведении драмы Нины Заречной, а в споре между Треплевым и Тригориным. И вот этот спор из словесного поединка превратился в глубокий психологический конфликт между двумя полярно противоположными точками зрения не на литературу и искусство, нет, а на самую жизнь. Конфликт между компромиссами Тригорина и трагической бескомпромиссностью Треплева, выявленный остро и четко, определил новизну и актуальность «Чайки» в постановке челябинцев.

В спектакле есть великолепная деталь: Треплев перед самоубийством рвет какие-то рукописи, а что-то особенно дорогое для него сжигает, Мед-

ленно сгорает бумага. Но Треплеву некогда ждать, пока все сгорит, и он тушит огонь, прихлопнув его толстой книгой... Тригорина. Придавленное пламя гаснет. Через мгновение раздается выстрел. Фаснет жизнь, раздавленная жестокой обиденностью.

Роль Треплева, можно сказать, с романтической взволнованностью, но и с тонким пониманием глубин чеховской психологии и смелых замыслов режиссуры играет Ю. Борещкий. Но жаль, что В. Петров в роли Тригорина выводит несколько сухим, равнодушным, лишенным яркости эмоцией.

Мы оговорились, сказав выше «великолепная деталь». Их много, они щедро рассыпаны по всему спектаклю, они создают насыщенную атмосферу сценической жизни.

Вот один из эпизодов. Откуда-то из-за кулис доносится звуки роля. Это Треплев играет вальс. На сцене Маша и ее мать — Полина Андреевна, У Чехова в ремарке сказано, что Маша «делает бесшумно два-три тура вальса». Как расшифровывает театр эту ремарку? Актриса Л. Аринина, проникновенно сыгравшая Машу, пытается сделать тур вальса. Но не получается у нее. Давно не танцевала. Отвыкла. Вот она делает еще одно робкое, неуверенное движение, потом еще одно — уже более смелое, потом еще одно, и вот она начинает легко, свободно кружиться. Да, она когда-то умела танцевать. Посмотрите, как она стремительна и изящна. Видимо, когда Маша так танцевала, и жизнь ее казалась ей легкой, стремительной, изящной. Танцуй, она приближается к кушетке, и, обессиленная, падает на нее. Нет, ни к чему сейчас так кружиться. Ни к чему, да и сил уже нет. Так мизансцена раскрывает биографию,

Правда, есть в постановке и спорные моменты. Например, режиссер ввел в спектакль действующее лицо, которое в программе обозначено следующим образом: «Скрипач, персонаж от театра». О том, как важна для постановщика эта роль, можно судить по тому, что ее играет один из ведущих актеров театра Е. Байковский. Он безмолвно со скрипкой в руках появляется в самом начале спектакля, в самом конце его и в середине. Где-то он очень кстати. Своей игрой на скрипке актер как бы продолжает ту мысль, которая не была высказана словами, которую невозможно высказать словами. Но где-то он замедляет динамику развития действия, отвлекает от него.

ТАКОВЫ СПЕКТАКЛИ Челябинского театра. Они хороши тем, что не заканчиваются финальным занавесом. Наоборот, после того, как вы покидаете зрительный зал, начинается их вторая, куда более длительная жизнь. Волнения приходят к вам вместе с воспоминаниями и раздумьями о виденном. И вы во второй, в третий раз переживаете то, что пережили уже однажды в театре.

Сейчас в Челябинском театре напряженные будни. Коллектив готовится к ответственности для него гастрольной поездке в Ленинград. Они под стать тому напряженному ритму жизнерадостного труда, которым живет один из крупнейших центров Южного Урала. О буднях театра, которые становятся праздником для зрителей, нам и хотелось рассказать.

Д. МЕДВЕДЕНКО,
спец. корр.
«Советской культуры»
ЧЕЛЯБИНСК